

Юрий Львович Слёзкин (1885-1947).

Источник: "Новелла серебряного века", Москва, "Терра-Терра", 1994.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 16 августа 2003.

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

МАЛЬЧИК И ЕГО МАМА

Вот какую странную и грустную историю рассказала мне однажды старуха нянька про одного мальчика.

У Феде умерла мать, когда ему шел всего лишь шестой год, и потому ли, что отец боялся напугать его или по другим каким причинам, но строго-настрого было заказано, чтобы об этой смерти ему не говорили.

Няньке это очень не нравилось, потому что все-таки сын и должен он поплакать на могиле матери,-- но делать было нечего -- барин велел -- ну и слушались.

Сказали Феде, что мать всё еще больна и на поправку уехала в далекие края, а когда поправится, то обратно вернется.

Федя долго убивался и, видно, обижен был, что мать к нему попрощаться не ходила, а потом успокоился.

Начали лгать ему; так ложь за ложью и пошла цепляться. Один грех только был. До сих пор старуха простить себе этого не могла. Да, ведь раз солгав, как уже правду скажешь. Думали -- вот вырастет немного, тогда всё и узнает. Простит.

Только жуть иногда брала. Бывало, обидишь чем-нибудь Федечку, он заплачет, да и пойдет в уголок; сядет там на пол, ручонкой себя гладит и говорит:

-- Ничего, ничего... не плачь, скоро мама приедет...

Сама слезы с глаз тихонько вытираешь. Что говорить -- нехорошо было.

А то играет, да вдруг задумается и спрашивает:

-- Что же мама так долго не едет?

Скрепя сердце ответишь:

-- Ничего,-- скоро уж...

-- Нет, ты мне правду скажи. Я ведь знаю, что ты обманываешь, вон глаза на нос спрятала. Скажи, когда приедет; я хочу знать. И очков не ищи, вон они у тебя под руками -- все штуки твои знаю...

-- Что ты, родимый, -- говорю, -- и совсем я тебя обманывать не хочу. Вот лето настанет,-- она, сердешная, и приедет.

Точно нечистый языком вертел -- право.

-- Ты, -- говорю, -- не печалься. Она там в теплых-то краях поправится: здоровая да белая станет.

-- А хорошо там? -- спрашивает.

-- Очень, очень хорошо. Кругом цветы, деревья зеленые шумят, птицы поют...

-- Это и у нас в деревне птицы поют и цветы цветут. Нет, ты мне скажи, что там особенного есть...

Нашел меня о чем спрашивать -- я и так изворачиваюсь.

Ну и врала, что могла, смертный грех на душу брала -- чистого младенца обманывала.

Так, словно горб мне на спину клали.

Просила барина: скажите правду-то сынку, Бога побойтесь. Какой там -- слушать не хочет.

-- Ты,-- говорит,-- мне и сына убить вздумала, последнюю радость отнять желаешь? Он у меня,-- говорит, -- нервный, мать любил очень, и доктор предупредил меня, чтобы я его берег и ничего ему не говорил бы. Подрастет, забудет ее, окрепнет -- тогда и скажем. Ты,-- говорит,-- старуха, не дури. Небось не раз в свою жизнь лгала, да еще ради худого.

Ему хорошо рассуждать было, сынка-то много ли видел. Приедет, поцелует, о здоровье спросит, когда поиграет с ним, а там опять уедет.

Я ведь с Феденькой день-деньской сидела и ночами его пестовала.

Каюсь, прав был барин в одном, что греха таить: случилось и соврать когда, да только не так. Страху того не было. Точно чуяло мое сердце -- быть беде.

Судите сами -- научила мальчика покойница Богу молиться за здоровье папы, мамы, дяди, тети -- всех по порядку.